

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

БАБЬЕ ЛЕТО

Рассказы и повести Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Бабье лето

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Бабье лето / М. Метлицкая — «Эксмо», 2018 — (Рассказы и повести Марии Метлицкой)

Для Марии Метлицкой нет неинтересных судеб. Она уверена: каждая женщина, даже на первый взгляд ничем не примечательная, – загадка. Почему ее героиня поступила так или иначе? Почему пожертвовала своим покоем, комфортом ради близкого, а иногда и не очень близкого человека? Почему полюбила того, кто никогда не сможет сделать ее счастливой? Неужели дело в пресловутой женской логике, точнее в отсутствии логического мышления, в чем так часто упрекают женщин? Конечно, нет. Дело в том, что женщины верят своему сердцу. А оно логике не подчиняется. Именно поэтому отгадать мотивы женских поступков так сложно. И так интересно. Произведение входит в сборник «Женщина-отгадка».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2018
© Эксмо, 2018

Мария Метлицкая

Бабье лето

© Метлицкая М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Все, как всегда, получилось кувырком из-за этой дуры Инки. Прости господи, все-таки родное дитя. Позвонила, естественно, среди ночи. Кой черт ей задумываться, что мать, приняв очередную дозу снотворного, наконец заснула. У них-то в Москве белый день! Орать начала сразу, с разбега, орать и рыдать – одновременно. Это у нее отработано – с детства опыт неслабый. Пока Стефа врубилась, попробовала ее хоть как-то на секунду прервать и понять наконец, в чем дело, прошло минут пятнадцать.

Анька тоже, конечно, проснулась, а у нее со сном тоже не ахти.

В конце концов Стефа поняла, что внук Тема в больнице, какой-то сложный перелом голени, хорошего не обещают, возможны осложнения – в общем, надо менять билет и срочно лететь в Москву. Стефа сидела на кровати, опустил голову, свесив ноги, и монотонно приговаривала:

– Да, да. Я все поняла, поняла, конечно, буду, завтра все сделаю, да, буду, буду.

Анька стояла над ней в белой ночной рубашке до полу, скрестив руки на груди. Стефа положила трубку и подняла на подругу глаза:

– Ты как привидение, господи!

Анька, не поменяв позы, сурово спросила:

– Ну что там опять?

Стефа махнула рукой:

– Тема в больнице, ничего страшного. Но ты же знаешь Инку! Придется менять билет.

– Идем на кухню, – предложила Анька.

Они сели на высокие кухонные табуретки (Анька называла их насестом), закурили, и Анька ловким, отработанным движением плеснула виски в стаканы с тяжелым дном.

– Ну и!.. – грозно изрекла она.

– Буду менять билет, – вздыхая, ответила Стефа.

Несколько минут они молчали. А потом, естественно, Анька разразилась. Гнев ее был логичен и справедлив, так же, как и доводы. «И Инна твоя придурочная – тебе не привыкать, и с Темой, слава богу – тьфу-тьфу, ничего страшного. И осталось всего пять дней. И когда они тебя оставят в покое, эгоисты, сволочи!»

Стефа задумчиво смотрела в одну точку.

– Никогда, – сказала она.

– В смысле? – уточнила Анька.

– В смысле не оставят в покое, – устало бросила Стефа. Потом взмолилась: – Слушай, пойдем спать, может, еще прихватим часок-другой, а?

Анька махнула рукой и в сердцах почти швырнула пустой стакан в мойку.

– Ну не злись, – попросила ее Стефа. – Если еще и тебе надо объяснять...

Анька сдаваться не собиралась.

– Да что там объяснять? Взрослая баба, тридцать лет, а висит хомутом на твоей шее. Вместе с дебилом-мужем и со своим отморозенным папашей. Доколе? Я тебя спрашиваю. Ну сколько это еще будет продолжаться?

Стефа устало махнула рукой:

– Всю мою жизнь. Разве это тебе непонятно?

– А не ехать, забить? – не унималась Анька.

– Посуди: что для меня будут эти пять дней? Совсем с катушек съеду. Ну и потом, мальчик же и вправду в больнице.

– Ну, давай, давай, – бросила Анька и пошла к себе.

Понятное дело, уснуть не удалось. Думала про внука, про обмен билета – удастся ли еще? Про Анькину обиду, про сломанный отпуск. В семь поднялась и пошла в душ. Выпила кофе, стало чуть легче.

В девять они с Анькой сели в машину и поехали на Манхэттен – в представительство «Аэрофлота». Билет, слава богу, поменяли. Перекусили в суши-баре, двадцать пять долларов – ешь сколько влезет. После Москвы – халява.

Вспомнили, что надо докупить подарки, рванули в любимый «Маршалс» – суетливо мотались от одной полки к другой, но все равно получилось спешно, дорого и бестолково.

Сели выпить кофе и отдышаться. Анька прокомментировала:

– Вам сейчас что-то возить – одна морока. У вас есть все, что здесь, и даже лучше. Это не прежние дивные времена: пачку тампакса, часы за доллар, зонтик за два – и ты благодетель. А сейчас?

Стефа не соглашалась:

– Подарки любят все. Я своим даже из Тулы подарки везу.

– Самовары? – поинтересовалась Анька и, помолчав, добавила: – Ну и дура!

Дома пытались упаковаться – места в чемодане, как всегда, не хватило. Анька полезла в кладовку и достала старую, пыльную, желтую сумку «Адидас» – кое-как все распихали.

Ну а потом, конечно, начался треп. Про все – про мужей, бывших любовников, родителей.

– Нет, это счастье, что у меня нет детей, – уверенно говорила Анька.

«Ну-ну, – думала Стефа. – А то я не знаю, сколько лет ты маялась. Хотя, конечно, положила руку на сердце, правда в этом есть. Особенно когда думаешь о своей любимой дочурке».

В двенадцать разошлись по комнатам – в шесть утра надо было уже выезжать из дома.

Стефа стала почти засыпать и вдруг почувствовала какое-то движение возле себя. У кровати стояла Анька и держала что-то темное в руках. Стефа испуганно подскочила.

– Что это? – шепотом спросила она.

– Шуба, – ответила Анька и бросила что-то на кровать. Зажгла свет.

На кровати, почти накрыв Стефу, переливалась и сверкала шоколадным блеском норковая шуба.

– Ты спятила, она ж новая! – прошептала обалдевшая Стефа.

– Ну и хрен с ней, надену здесь два раза за зиму, а ты поносишь.

– Нет-нет! – заверещала Стефа. – Не возьму ни за что, даже не думай. Тоже мне, любовница Абрамовича нашлась!

Они еще долго препирались, перебрасывая почти невесомую шубу с рук на руки, потом устали, сели обнявшись на кровати и дружно заревели – от близости, от чувств, оттого, что вся жизнь (ну, почти вся) прошла вместе и даже те последние пятнадцать лет, что их разделяли материки и океаны, они все равно оставались самыми близкими на свете людьми.

Потом пошли на кухню курить. Выпили чай, съели по бутерброду, кляня себя за несдержанность. Опять плакали и смеялись и, наконец, разошлись по углам – каждая в своих нелегких думах.

Стефа думала о тотальном вдовьем одиночестве Аньки. Да, деньги, слава богу, есть, дом выплачен, старости можно не страшиться – а она не за горами. О том, что ближе и роднее Аньки нет никого на свете: общее детство, молодость – что может связать крепче и сильнее? Еще о том, что бог вещь когда сможет опять выбраться в Нью-Йорк – деньги, болезни, работа, семья, все так непросто. В общем, жизнь не прошла – проскочила, как случайный воришка, схвативший что-то с испугом. Тревожилась о внуке, думала о своей нелепой дочери – надежды

на ее взросление, осмысление и понимание жизни становились все призрачней. Все ждала – перерастет. Как же. В сотый раз задавала себе одни и те же вопросы: когда ошиблась, что пропустила? И снова не могла на них ответить.

Анька тоже не спала – сначала почитала какую-то чушь, потом выключила ночник – и мысли, мысли... Как там поет их певец? «Мои мысли, мои скакуны»? Вот именно, скакуны. Про любимую подружку, почти сестру, да что там, не у всех сестер такая близость, как у них. Про ее домашних мучителей, про то, что Стефе уже пятьдесят, а покоя нет и не предвидится. И конечно, про свое: завтра она останется опять одна в прекрасном, удобном доме, с роскошной машиной в гараже – и со своим беспросветным и бесконечным, уходящим за горизонт одиночеством. И со стаканом виски по вечерам. Только не будет Стефки с ее тревожным взглядом на этот самый стакан.

В аэропорт ехали больше двух часов.

– Поспи, – предложила Анька, глядя на бледное Стефино лицо.

– В самолете посплю. Поем и посплю, – мечтательно повторила подруга.

Прощаться, как всегда, было невыносимо. Анька протянула плотный белый конверт:

– Это на кладбище, – пояснила она. – Наймешь тетку, пусть покрасит, подправит, цветочки посадит.

Стефа решительно отвела Анькину руку.

– Не придумывай, никого нанимать не буду. Как делала все сама, так и буду. Весной сама покрашу, все посажу.

Анька отвела в сторону глаза, полные слез, и тихо сказала:

– Незабудки.

– Да, да, конечно, незабудки, – ответила Стефа и вытерла ладонью глаза.

– Мама так любила незабудки, – всхлипнув, сказала Анька.

Они обнялись и дружно разревелись. Потом Анька решительно оторвала подругу от себя:

– Долгие проводы – лишние слезы.

Она всегда была решительнее Стефы.

Пошли сдавать багаж. А дальше был паспортный контроль – и почему-то, как всегда, глухо забилося сердце. «Идиотка, – сказала самой себе Стефа. – Интерпол тебя разыскивает, старую дуру».

Потом она шаталась по дьюти-фри, долго раздумывая, купила мужу бутылку виски, блок «Мальборо» зятю, побрызгала на запястье новые ароматы, пришла к выводу, что остается верна себе – только «Шанель». Купила тушь от Элизабет Арден и пакетик леденцов в дорогу.

С трудом нашла крошечную курилку в ключьях сизого, плотного дыма – Америка всюю боролась с курением, – жадно выкурила две сигареты подряд: предстоял перерыв часов в двенадцать, приготовила посадочный и стала искать выход на посадку.

В самолете досталось место у окна – ура, ура, хоть в чем-то повезло. Села и блаженно закрыла глаза.

«Ну и ладно, домой так домой – в конце концов, домой всегда неплохо», – подумала она.

– Добрый день, – услышала Стефа и открыла глаза.

Невысокий, плотный мужчина с остатками некогда буйных кудрей, в красном свитере и голубых джинсах, пытался засунуть сумку в антресоль для ручной клади. Стефа кивнула. Громко вздохнув, он тяжело опустился рядом с ней.

– Будем знакомы, Леонид. Путь неблизкий, – улыбнулся он.

Она нехотя откликнулась:

– Очень приятно, Стефа.

«Ничего приятного, – подумала она. – Бодрячок-весельчак, поспать точно не даст. Из тех, кому непременно надо пообщаться». Отметила: мужичок вполне, вполне, синеглазый, крупный хороший рот, породистый нос, увесистый такой мужичок. На узких бедрах хорошо сидят

джинсы – она ненавидела джинсы не по размеру. Яркий свитер, клетчатый шарф – не все в его возрасте наденут красное.

И она опять прикрыла глаза. Это значило «не хочу никаких разговоров». А он больше не приставал: надел очки, начал листать свежие газеты, предложенные стюардессой.

«Ну и славно, – подумала Стефа. – Слава богу, не идиот».

Проснулась она от запахов пищи – стюардессы разносили обед. Стефа взяла протянутый пластмассовый контейнер и почувствовала, как сильно она голодна.

Ее сосед с удовольствием глодал куриную ножку.

– На борту надо брать только курицу, – оживленно сообщил он. – Рыбу ни в коем случае.

– Да? – удивилась Стефа. – Я как-то над этим не задумывалась.

– Слушайте, а может, выпьем вина? – спросил он.

«Обрадовался, что я проснулась», – злю подумала Стефа.

– Нет, спасибо, от вина у меня болит голова, – вежливо ответила она.

– А может быть, что-нибудь покрепче? Коньяк, например? – не отставал он.

– Нет, – резко сказала Стефа. – Спасибо, я не люблю алкоголь.

– Да я, собственно, тоже. – Сосед, похоже, слегка обиделся и замолчал.

Потом они пили кофе, и Стефе было как-то неловко («Ну что я так с ним, ей-богу, вполне приличный мужик. А я какая-то злобная климактерическая идиотка»), и она сама завела разговор. Так, обычный треп: сколько пробыли в Нью-Йорке, в первый ли раз, ну, как вам Америка?

Он с удовольствием включился в разговор. В Штатах семь лет живет его сын, умница, красавец, все слава богу. Сначала, да, было непросто, как иначе, но сейчас он хорошо стоит: дом в Нью-Джерси, работа в стабильной компании, жена, детки... В общем, он за него спокоен.

– А что сами не перебираетесь? – поинтересовалась Стефа.

Он слегка нахмурился:

– Знаете, проблемы, проблемы...

Старая неходячая теща, у жены со здоровьем очень негладко, полгода назад перенесла тяжелую операцию на позвоночнике, пока передвигается по дому на костылях. И потом, работа – как ни странно, ему повезло, неплохая должность, приличная зарплата – и это в его-то возрасте. Словом, сам себе хозяин – а там, у сына, они будут только нагрузкой, обузой. Слава богу, можно летать к детям, было бы на что.

Стефа слушала и кивала.

– А вы? Гостили? – осведомился он.

Она почему-то стала подробно рассказывать об Аньке, об их многолетней, проверенной временем и обстоятельствами дружбе, о прерванном отпуске, о болезни внука...

Он слушал внимательно и с интересом. А потом она вздохнула: в общем, у всех свои проблемы, истина известная.

Они посмотрели по телевизору какой-то дурацкий американский боевик, и она не заметила, как уснула.

Перед посадкой он протянул ей визитку – мало ли что, знаете, вдруг смогу быть чем-то полезен. Она кивнула и нацарапала на картонке от сигаретной пачки свой мобильный – ну да, мало ли, вдруг, абсолютно уверенная, что ни «вдруг», ни «мало ли» никогда не случатся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.